

**КОРРЕЛЯТИВНОСТЬ СМЕХА И СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ БЫТИЯ**

Дж.Т.ИБРАГИМОВА
Бакинский Славянский Университет
jeylai@mail.ru

В статье рассматривается философская категория комического в методологическом ракурсе, с точки зрения таких определяющих понятий, как жизнь и смерть, вымысел и реальность, сиюминутность и вечность. Автором делается вывод: сама диалектика человеческого бытия заключает в себе необходимый атрибут – комическое, смех – как показатель неоднозначности развития всего сущего, детерминированного его многообразием; фактор диспозиции индивида и всего человечества к осмыслению противоречий и конфликтов цивилизации.

...Стремление к соизмерению, сопоставлению комического и трагического, жизни и смерти традиционно для человечества с самых ранних этапов его развития. Взаимое единство смеха-смерти издревле характеризует отношение людей к отдельным явлениям и к миру в целом, в котором причудливо сочетаются тотальная серьезность с абсурдно игровым, вечное – с мимолетным, незначительным; наглядно сказывается генетическая связь «потусторонних понятий» с реальной жизнью, ее противоречиями и контрастами. Так что одной из возможных и закономерных реакций на осознание относительности мира и его существ в сравнении с неизменными началами является комическое, отношение к происходящему в проявленной действительности как к веселой (подчас, жестокой) игре. С незапамятных времен люди умеряли и смягчали размышления о смерти щедрыми порциями юмора и шуток. Комическое осмыслялось лейтмотивом сюжетов веселой смерти старого и рождения нового, отождествляясь с плодородием, ростом; при этом смерть соотносилась с рождением, могила – с рождающим лоном земли. Небо постоянно и вновь рождается. Растительность и солнце, умирая, оживают в том же виде, в каком были. И все это одинаково неизменно, сменяясь и изменяясь, смеясь и умирая. Конкретный смысл заключает в себе интерпретацию, по сути, переносимую на все моменты жизни: каждый цикл предполагает следующий, в смерти уже заключен зародыш жизни. Где существует стихия как субъект, там непременно присутствует дополнительный акт смерти и осмеяния, не выходящий за пределы этого субъекта.

В античности одной из попыток преодолеть страх смерти и дать ей разумное истолкование была ирония Сократа. Согласно истине древних, каждый человек должен помнить, что хотя смерть – это трагедия, все же жизнь – комедия. Более того, смерть – не всегда трагедия для того, кто умер; она может иметь трагические последствия лишь для оставшихся в живых. Любопытно, что многие переиначивают этот драматический принцип и относятся к жизни как к трагедии, а к смерти – как к комедии. Замечено и то, что, как это ни покажется па-

радоксальным, трагедия принимает страдания как должное, а комедия не мирится с ними, пытается преодолеть их, при этом, доказывая смертность живущего и торжествующего зла. Таким образом, реалистически относясь к смерти, человек все чаще отдает предпочтение смеху жизни как потребности развития и самосовершенствования, ведь жизнь по своему философскому определению вообще отличается тем, что возможна лишь в мире двойственности, единстве со смертью. Сущность данного основополагающего единства во все времена одинакова - идет ли речь о «гротескном» (в бахтинском понимании) образе тела и его физиологии, поэзии английского нонсенса, «надгробном» юморе, или же о гоголевском смехе, прорывающемся сквозь неведанные миру слезы. В этой связи Ю.Борев называл пессимизм виновником разрушения комедии и ее превращения в «атрагедию», поскольку пессимизм рождает ужасное, а не трагическое. Речь касается такого монолита, где нельзя четко выделить ни то, что мы называем «светом», ни то, что обозначается «тьмой».

Но если победа над смертью вызывает смех, то сразу возникает резонный вопрос: где же пределы жизни и смерти? По сути, их нет, существует лишь череда взаимозаменяемости; как двуликий Янус, Бог неба, одновременно обращенный в жизнь и в смерть. В этом контексте можно рассматривать и символ поклонения наших предков - огонь – как вечное жизненное противоречие, конфликт, являющийся первоосновой и смеха, и смерти. Огонь объединяет в себе оба полюса смены и кризиса, характеризующие состояние не стагнации и покоя, а движения и трансформации, при необходимости дефинируемых и как борьба с вечными историческими пороками и противопоставлениями, отражающими изначальную стихийную диалектику, в которой все движется по кругу: от рождения - к жизни – смеху - смерти - и вновь к рождению. Способность человеческого бытия создавать процессы метафоризации познания закладывает фундамент все новых антиномий. По О.Фрейденберг, в основе комического, одновременно уничтожающего и обновляющего мир, лежит первичное постижение раздвоенности мира; так возникает условие его выразительности, которая питается неожиданностями и контрастами. Отсюда, основными “комическими функциями” являются парадоксы: переходности-стабильности, открытости-замкнутости, неповторимости-повторяемости. Пространство комического заполнено огромным множеством таких дуальных оппозиций. Элементарной же «клеточкой» («логической микроструктурой») комического, в котором можно уверенно проследить судьбу двух «жанровых подкладок» одного и того же сюжета, является дуальная оппозиция, заключающаяся в столкновении вечных противоположных смыслов и существующая в устойчивых парах: жизнь-смерть, трагедия-комедия, мгновение-вечность, эпос-сатира, архаическое - современное, коллективное - индивидуальное, оптимизм-пессимизм, внутреннее-внешнее и т.д. Ведь только подобным диалектическим переосмыслением мышление принимает предмет или явление в его истинности как целостную систему.

И тогда всеединство смеха-смерти разрастается в монументальное полотно, дающее реалистическое отражение многообразного и разноречивого мира. Смех и смерть родственны прежде всего своим реализмом. Но если смех и смерть интонационно не отличаются друг от друга, то, по сути, они становятся тождественными друг другу. И тогда сама система осмысления, которой подвергается реальность, протекает по законам мышления, созданным этой

реальностью, а смерть символизирует не только окончание жизни, но начало обновленной жизни. Это происходит оттого, что смысл данных явлений заключается в себе интерпретацию не смерти в нашем традиционном понимании, а интерпретацию всей окружающей действительности, "видимой природы". Мы привыкли плакать у ног смерти и веселиться на свадебном пиршестве, и думаем, что это голос наших чувств и нашего сознания, но осознающиеся в причинно-следственном соотношении данные биологические факторы все чаще предстают в категориях философско-экзистенциального порядка. Темный и забитый человек издревле настолько привык к страху смерти, что в те редкие минуты, когда этот страх внезапно рассеивается, происходит вспышка энергии - и он смеется. При этом маленький и смешной человек не может изменить огромный мир, когда нечто, ранее угрожавшее и вызывавшее страх, на самом деле не страшно и не угрожает. Этнографы и фольклористы, исследующие погребальные церемонии в различных культурах, неоднократно обращали внимание на наличие в ритуалах, связанных с захоронением умершего, смеховых элементов. Последние включались в структуру игр, являвшихся неотъемлемой частью погребального обряда. При этом смех, включенный в погребальный обряд, несомненно, носил ритуальный характер. Он, с одной стороны, способствовал тому, чтобы покойник благополучно и без помех достиг страны мертвых, с другой же, – противостоял воздействию враждебных человеку сил, являясь защитным механизмом, сакральным оберегом, отпугивающим смерть.

Смех в данном контексте — не простое высмеивание присущих умершему недостатков, припоминание комических ситуаций из его земной биографии. С одной стороны он — метафора жизни, с другой, — вспомогательное средство для преодоления преграды между миром живых и миром мертвых. Этот смех перед лицом смерти был формой игры с ней, позволяющей преодолеть ощущение безысходности, бессилия перед неминуемым концом, снимавшей страх перед финалом земного бытия человека. Смерть — естественное продолжение жизни, поэтому вполне уместным в ней выглядит подобное соседство трагических и комически-игровых элементов. Их сочетание мы обнаруживаем и в канопях — этрусских сосудах для хранения пепла умершего. На многих канопях человеческое лицо освещено, так называемой, "архаической улыбкой", свойственной некоторым древнегреческим мужским статуям — куросам; улыбающимися древнеегипетские каменотесы изображали также фараонов. Комически-игровой аспект погребения нашел выражение в циклах анекдотов о покойнике, похоронах, присутствующих в различных культурах. Причем сам умерший зачастую фигурирует в них в качестве смехообразующего начала, то есть ему в короткой сценке отдана главная и наиболее активная роль, живые же, как правило, выступают в амплу статистов. Здесь мы встречаемся с игровой ситуацией, фарсовой по форме, но серьезной по содержанию. Двойственную психологическую природу погребального зрелища подчеркивают многие исследователи. Кладбище, по словам А. Гуревича, зачастую становилось "форумом" общественной жизни"; на нем собирался народ, здесь и печалились, и веселились..." (3, с.13). Мир живых, таким образом, пересекался с миром умерших. Эту особенность подмечал и римский писатель Петроний в новелле "О целомудренной эфесской матроне" (она включена в "Сатирикон").

Смех вызывает и столкновение ничтожного и серьезного, страшного; это

предполагает смех в качестве целого особого мира. И тогда сам народ осмеивает свою историю и хоронит ее с тем, чтобы с легкой душой устремиться в светлое будущее. Ведь народный смех - это высвобождение колоссального заряда жизненной энергии. Смерть в данной архаически-модифицированной системе вовсе не является отрицанием жизни в ее гротескном понимании как всенародного тела, а входит в целое жизни как ее необходимый элемент, как условие ее постоянного обновления и омоложения. Ведь смех, как и смерть, символизирует то, что мы называем процессом жизни. Вспомним, что еще М.Хайдеггер считал, что смысл человеческому существованию придает его конечность, временность.

И если грусть, плач, причитания во время похорон естественны, то что касается смеха, он должен быть спровоцирован профанно-комическими элементами, содержащимися в игровом аспекте погребального ритуала. Смех — не столько радость по поводу перерождения-перехода, сколько средство, способствующее новому рождению, воскрешению и адаптации в мире предков. "Радость смеха есть радость жизни. По народному воззрению смеху приписывается не только способность сопровождать жизнь, но и создавать, вызывать ее в самом буквальном смысле этого слова. Этим... объясняется наличие особого, ритуального смеха", — пишет В. Пропп (4, 101). Однако все чаще грустная тема погребения не сменялась комическо-смеховой, а их элементы взаимно переплетались в рамках единого зрелища. По мнению Н. Велецкой, смех на похоронах символизировал жизнь, "наиболее надежно обеспечивал вечную жизнь, бессмертие души и т.д." (5, 30). Так, смеховой элемент отчетливо проявляется в знаменитом средневековом сюжете — Пляске Смерти, в частности, в изображении некоторых персонажей, противящихся приходу своего последнего часа. Да и сама пляска, в которой представлены многие социальные слои, не лишена комических элементов.

Страдания начинаются и несть им числа; сама эта затянутость словно препятствует их прекращению. Страдания, оставаясь страданиями, оказываются в них также полюсом зла. А зло, которое само себя разоблачает и развенчивает, перестает быть угрожающим, оно производит комический эффект... Но в какой-то момент страдания доходят до предела. Кажется, их невозможно выдержать; испытание переросло в острый кризис, который неотвратимо нарастает, и наконец, резкий переход от страдания к избавлению вызывает... смех. Этот восторженный экстаз порождает соответствующее изменение в плоскости духа, которое выражается в переходе от тяжелого испытания к спасению, избавлению. Необходимо действовать, чтобы реализовать свободу воли и не чувствовать себя рабом обыденности. Можно сформулировать это так: Всевышний всегда погибает в своей собственной стихии и возрождается в ней же. Он смеется над тем фактом, что зло по мере своего усиления само же роет себе могилу. Негативные действия превращаются в источник гибели их инициаторов; в духовном смысле нет более забавной ситуации. Ведь именно Всевышний создал человека, а последний куда как забавен. Он так управляет мировыми событиями, что все злодеяния нечестивцев, как бы они ни изощрялись, в конечном счете, бьют по ним самим, это и есть глубочайшая ирония мироздания.

Согласно канонам ислама, Космос и Хаос, порядок и беспорядок, гармония и дисгармония, комическое и трагическое, симметрия и асимметрия, сознательное и бессознательное, смех и слезы, жизнь и смерть находятся в постоян-

ном противоречии и единстве: мир есть гармония противоречий. При этом, душа умершего человека жива, и она всегда с нами; сила и величие ислама заключается в этой вере. Ф.Энгельс характеризовал данный феномен как «перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие...» (2, 20, 346). Вспомним и Г.В.Ф. Гегеля: «Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем, то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и брэнности, не из себя, а из страстей индивидуумов» (1,8, 25).

Очевидно, что смех и скорбь - это два полюса человеческих переживаний, которые, несмотря на различие эмоциональных оттенков, служат одной и той же цели - очищению духа. Мыслители видят в этом прежде всего страсти Всевышнего, с их типичным переходом плача в радость, и даже не переходом, но сосуществованием двух противоположных начал в единой плоскости духа. Сочетание двух крайних плоскостей: смехо-смерти, их мгновенная смена могут стать источником духовного совершенства, когда глубокий кризис гармонично переходит в неожиданное и, по существу, невероятное спасение. Так, для Низами человек всегда был венцом творения, которому суждено жить, творить и умереть, но при этом оставаться духовно бессмертным. В самом деле, если тотальную серьезность представлять как истину, то ни одна из подобных «мертвых» истин не обладает способностью к живой трансляции, все попытки догматических истин стать истиной для других не имеют ни малейшего философского основания, без возможности и способности постоянного самопровержения, самообновления. Таким образом, всеединство смеха-смерти в своих разнообразных проявлениях приобретает даже не амбивалентный, а поливалентный характер.

Отсюда, привычка смеяться при любых обстоятельствах, при философском рассмотрении вовсе не является признаком глупости или жестокости, а скорее, наоборот. Если вспомнить, что издревле на Востоке острословов и весельчаков приравнивали к мудрецам, то, сохраняя при всех обстоятельствах улыбку и готовность пошутить, человечество проявляло, таким образом, несомненную мудрость. Телхек, дервиш, джуха, шут (как и юродивый в России) - это не только те, кто пренебрегают внешне принятой формой выражения, а одновременно высказывают всем, на правах святых, то, что скрывают от себя, от ближних, от самого Всевышнего. В этом случае, роковая покаянность состоит в том, что смех становится мучением, приобретая какое-то метафизическое и даже мистическое значение; в нем распинается душа - не внешними обстоятельствами, а общей убийственностью мира. Знаменитый мудрец Юсуф хас-хаджиб Баласагунский писал:

Ужель родился я, чтоб мертвым быть!

Ужель смеялся я, чтоб слезы лить!.. (6, 1, 584).

Зло смерти уничтожено, посрамлено, рождение и жизнь смехом торжествуют победу над могилой и смертью. Смешно обрываются представления о конечности и тленности, ведь смех всегда служит свободе, которую отрицает смерть. Отсюда и особое отношение смеха к смерти, «увенчивающего» живые творческие возможности человека, класса, общества, но и «развенчивающего» инертную, тупую исчерпанность и конечность этих возможностей. «Человек

проводит в этом мире две с половиной минуты: одну в смехе, другую в слезах и полминуты в любви, ибо на середине смерть его застигает», - постулировал Жан-Поль (8, 97-98). И тогда вся сложность мира, запутанность, мучительность противоречий, кипение страстей и разума, идейная тупиковость философии трагифарса, психологическая глубина и одержимость, самокритичность, вплоть до самоотрицания ищущей мысли, - вся эта немислимая разнородность сосредотачивается вокруг единого нравственного центра: борьбы добра и зла, жизни и смерти, смеха и слез, которая не просто «фиксируется» сознанием, теоретическими построениями апокалипсиса, релятивистским пессимизмом, а отражается непосредственно в человеческом сердце.

На противоположном полюсе - облик дьявола и его окружения являет свой оскал исключительно в виде сатанинского хохота. В.Кларк объявлял смех «искусством дьявола». Каждый беззащитен перед искушением дьявола, лицедействующего «смехо-смерть». «Лишь продвигаясь шаг за шагом к заоблачным высям духа или погружаясь в мрачное пекло метафизики, народы начинают смеяться дьявольским смехом», - писал Ш.Бодлер (7,97). В данном утверждении, выдержанном в духе экзистенциализма, также содержится отождествление жизни и смерти. «Сатанинское» начало жизни характеризует извечные эгоизм, себялюбие людей. И в этом смысле смех можно назвать сатаническим, являющимся наиболее адекватным выражением эгоистической природы человека. Такой смех символизирует даже не ужас смерти, а страх перед жизнью, свидетельствуя о разрушении понятия личности и категории вещей. Он возникает из стремления превосходства одного человека над другим, извращенного чувства удовольствия, которое проявляется в созерцании чьих-то бедствий и несчастий.

Одновременно именно смех является выражением извечного безобразия и трагической нелепости мира, в известном случае представляющегося печальным и даже страшным. Но все чаще смех смеется над страхом, который не следует именовать негативом смеха. И именно смех характеризует Вселенную, которая делится на мир настоящий, организованный, мир культуры - и мир не настоящий, не организованный, отрицательный, мир антикультуры. В первом господствуют благополучие и упорядоченность знаковой системы, во втором - нищета, голод, смерть, полная спутанность всех значений. Все знаки означают нечто противоположное тому, что они значат в "нормальном" мире. И тогда становится очевидно, что не все вымышленное - вымышлено, а реальное - реально, этим обусловлена сама суть комического.

Вместе с тем, изнаночный мир смеха не теряет связи с «серьезным миром», ведь он порожден этим миром. Позади осмеиваемого мира все время маячит нечто положительное, отсутствие которого и есть тот мир, в котором существует смех со своей философией «наоборот». Смех, поэтому характеризуется противопоставлением «серьезной реальности», одновременно становясь лучшим проявлением этой реальности. И подобная «критика» мира серьезного становится возможной потому, что нелепый «смеховой мир» превращается в действительный, реальный, близкий, а мир знакомый оборачивается чуждым, несущим смерть. Нелепость одного и нелепость другого приобретают схожие черты. В этом случае антимир хоть и смешон, но все-таки вызывает сочувствие, мир осмешения, антимир - становится все более реальным. А мир реальный несправедлив, и поэтому вызывает недоумение. Но поскольку антимир смеха

уже не является миром нереальным, в нем появляются элементы своеобразной системы, имеющие «смысловой характер», сопрягая несоединимое, создавая нелепые сопоставления и ассоциации, служа выявлению мира, который теперь уже располагается внутри мира упорядоченного, разрушая его упорядоченность, прорастая сквозь него, показывая ложь и бессмысленность всего нереального, мнимого. В подобном тотальном осмеянии присутствует разоблачение, предположение сущности за изображением, и отнесено это предположение может быть ко всему, чему угодно. Совершается переход от привычной реальности к той, которую можно назвать иным, альтернативным уровнем ее измерения. Смех становится имманентным «серьезному миру» - системе, которая породила существующий тотальный каламбур. Таким образом, смеховые мотивы обретают глубинно-философский характер.

Нигилистическая оппозиция всему сущему, мир, вывернутый наизнанку, и, с другой стороны, поиски сложного, многомерного синтеза проблем бытия - эта дилемма обозначилась перед человечеством в ходе быстрой и драматичной ломки традиций и «всеобщего потрясения основ», отворяющего врата «общей универсальности духа». Потребность в целостности, поиск «глобальных ответов» на важнейшие вопросы бытия побуждает комическое обращаться к эпистемологическим моделям общества, исследовать «темные зоны», где паранормальные устремления соседствуют с интуитивными прозрениями, психологической интроспекцией, чуткостью к таинственному и необъяснимому (в этой связи интерес вызывают «паракатегории комического» В. Бычкова: абсурд, деконструкция, заумь). Комическое в данном случае определяет смесь понятий, ассоциирующихся со смехом, удивлением и страхом, а также тем, что находится за пределами известного или знакомого.

С этой точки зрения даже околомертный опыт может стать потенциальным источником комического, когда смех и смерть характеризуют бессознательный уровень мысли, где реальное сливается с идеальным, приобретая «сверхзначение», особый мировоззренческий смысл. Многообразие проявлений смеха определяется не только многообразием жизни, но и... смерти. В современном обществе существует и соответствующая тенденция - соотношения между растущей популярностью комического и смеха и развитием синдрома «осмешения смерти». Данная логика проста: на свете происходят вещи самые невероятные, и мы не можем закрывать на это глаза, а стало быть, обречены жить с сознанием того, что в любой момент каждому представится случай (независимо от желания) стать не только свидетелем, но и непосредственным участником страшных катастроф и необъяснимых катаклизмов. "Если разговор идет о жизни после смерти, серьезное и тщательное изучение околомертного опыта тесно связано с предметами игры, юмора и развлечений, которые являются важным подтекстом паранормального, – пишет Р.Моуди. - Дом с привидениями является неизменной частью рыночных балаганов, а у паранормального есть даже свой праздник – Хэллоуин, или канун Дня всех святых. Так называемые, «psychic fairs» давно уже стали в США привычным развлечением для всей семьи» (9,123).

Действительно, даже в самых серьезных и значительных явлениях можно увидеть смешное. Более того: чем серьезнее ситуация, тем сильнее вспышка «спровоцированного» смеха. В.Розанов писал: «Два ангела сидят у меня на пле-

чах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание - моя жизнь» (10,79). Взаимная диффузия жизни и смерти, их все более частое смешение в потоке повседневности – достаточно откровенное подтверждение отношения современного человечества к формирующейся действительности как к комизму абсурда. Потому-то вопросы смерти в наше время становятся все более обыденными и даже распространенными, а рассуждения о смерти – вполне естественными и даже необходимыми. Люди легко осмеивают жизнь, которой не дорожат и даже, подчас, не ощущают в полной мере. Лишенный опоры для оценок современный индивид с одинаковым интересом и здоровым цинизмом принимает любые крайности бытия, обращая и смех, и смерть в обыкновенное «зрелище». М.Ларни отмечал, что жизнь есть комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует. В эпоху, когда классический миф подвергся окончательной деструкции, смеховое и игровое отношение к смерти приобрело психологическую мотивацию, связанную с нейтрализацией страха перед концом земного существования. С этой точки зрения, вполне объяснимо, что идея бегства от страхов и проблем действительного мира осуществляется за счет соприкосновения с инфернальностью, хтоническим "ночным миром". Хаотизация жизни легализуется за счет перенесения ее в «потустороннее», подземную область бытия: «веселого мракобесия».

Но зло, которое на деле не является опасным и вызывает смех, притупляет чувство самосохранения, представляясь гротескной эмоцией, подчас, лишаящей возможности объективных оценок, остракая действительный мир, превращая его в разноликий пестрый балаган. В результате у людей атрофируются такие чувства, как ужас и страх, и они психологически готовы воспринять комически даже любой вариант убийства, его осмеяния. Выяснение подобной особенно актуальной для начала XXI в. тесной взаимосвязи комического и трагического позволяет рассматривать комическое как одно из важнейших, хоть и парадоксальных условий познания мира. Ассоциативное мышление помогает синтезировать комическое из различных черт, даже самых «смертоносных», сближая неожиданно полюсные ситуации. Особенно парадоксальны бывают эти сближения, когда подобные заимствования черпаются не из традиционных источников - мифов, легенд, сказок, сказаний, художественной классики, а из областей, более отдаленных от культуры.

Попадая в неожиданные и непривычные ситуации, современный индивид предоставлен сам себе. Вера в идеалы добра, равенства и справедливости исчезает, необходимо не только обезопасить себя, но и самостоятельно решать вопросы выживания: что называется, без страховки, проблему своего бытия и поведения в новом мире в качестве «нового человека». При этом в роли общественных идеалов большей частью выступают не традиционные положительные герои, наделенные некогда привычными сакральными атрибутами и ценностями, а создаваемые и бесчисленно тиражируемые средствами массовой коммуникации типажи, лишенные пафоса и лоска, отражающие будни жизни и одновременно стремящиеся своими поступками и образом мыслей, по мере возможности, разрешать сложившиеся противоречия, порой, откровенными жестокостью, цинизмом и лицемерием побеждающие зло - злом, а хитрость – еще большей хитростью. Победа торжествует, но какова она? В иные времена ее называли пирровой, сегодня это метод выживания и процветания.

Помимо всего прочего, здесь, подчас, присутствует обычное человеческое стремление, обусловленное желанием "поиграть", пережить в шуточной, несерьезной манере возможные предстоящие трудности жизни с тем, чтобы в будущем преодолевать их без особых переживаний. На свете происходят вещи самые невероятные, и мы не можем закрывать на это глаза, а стало быть, обречены жить с сознанием того, что в любой момент каждому из нас представится случай (независимо от желания) стать не только свидетелем, но и непосредственным участником страшных катастроф и необъяснимых катаклизмов. Воспринимая же в неизмеримых дозах изображенными в шутливой форме художественные «ужасы жизни», мы постепенно привыкаем принимать их таковыми и всерьез, а это, несомненно, облегчает жизнь, сглаживает ее контрасты и смягчает удары. Следовательно, с помощью «черного юмора», комического абсурда, трагифарса и т.д. наши современники конструируют двухмерный мир: чуждый, враждебный, и одновременно притягательный. С полным правом можно говорить о «геркулесовой работе смеха» (М.Бахтин) по освобождению сознания человека от всякого рода «чудищ» - ложных страхов, навязанных культов, отживших авторитетов и кумиров, о духовно-терапевтической роли комического, смеха в современном мире. И именно при помощи комического вымысла (анекдотов, шуток, острот) люди учатся соответствующе воспринимать реальные, но кажущиеся фантастичными, нереальными процессы и явления.

Так, исходя из своих информационно-коммуникативных возможностей, Интернет стал мощной питательной почвой для дальнейшей эволюции смехового пласта массовой культуры в соответствии с веяниями времени. Легкость, с которой в Интернете можно "рядиться" в любые образы, является также предпосылкой сплошной "трикстеризации" Интернета. Смех в Интернете, как правило, не смешон, а нередко и чудовищно низкопробен, будто нарочно вынут из самых дремучих дебрей "простонародного сознания" или списан со стен и заборов. Перманентное, подчас, подспудное соотношение пропорций реалий в границах вымысла как пародии на действительность и самой действительности повышает нашу жизнеспособность и степень самокритичности, во многом позволяя сохранить здравый смысл и трезвый взгляд на самих себя. Мы искусственно отрываемся от сентиментальных истин и вступаем в новый пугающий мир при помощи спасительного смеха. Ведь между серьезным и пародийно осмысленным миром границы очень зыбки, в любом явлении и предмете достаточно чуть-чуть подчеркнуть его условность, чтобы оно приобрело характер легкой пародийности и ироничности, каламбура, нарочитой оговорки. На призрачной дистанции между истиной (идеями) и очевидностью (миром вещей, теней и мнений) и существует смех, который помогает оторвать взгляд от игры теней, царства тьмы.

Комизм уже вне всякой примеси грусти, а наоборот, с некоторой долей отчаяния и даже злорадства наблюдается в тех случаях, когда человеком руководят не просто мелкие житейские, а эгоистические побуждения и стремления. В этом случае шутовство, более надсмеивающаяся (если не издевающаяся) над слабостями и низостью в себе и других, нежели скорбящая о них, может доходить до насмешливого самохвальства своими пороками. Экзистенциалисты трактуют этот посыл по-своему: так как жизнь абсурдна - все может стать объектом циничного осмеяния. Вспомним, что еще по мнению С.Кьеркегора, смех примиряет

человека с болью и отчаянием. В случае дальнейшего обострения противоречия, лежащего в основе комического, возникает низменное: смех, смешанный со смущением и отвращением. Несовместимость разнородных элементов усиливает комизм повествования и им же снимается, ведь причудливость и прихотливость очень близки как понятию «смеха», так и «смерти», это в любом случае игра со смыслом, с тем условием, что в определенных случаях ситуация имеет своей целью разрушение этого смысла, его дематериализацию, либо обнаружение того, что за обыгрываемым смыслом... вообще ничего нет. Комическая остротность позволяет обыгрывать даже самые глобальные события, с которыми, столкнувшись в действительности, вряд ли кто-то смог бы пошутить.

По мнению исследователей, именно «черный юмор» является оптимальной формой отражения и восприятия реалий действительности нашими современниками, представляя собой переход от «испытания» к «спасению». «Черный юмор», пожалуй, как единственно подлинная человеческая реакция на всеобщий абсурд бытия, отказывает в состоятельности категориям выбора и «озабоченности», центральным для экзистенциализма, и противопоставляет им мизантропический комизм. Это своеобразная форма осмысления бытия, при которой некоторый страх перед действительностью сочетается с ее "комическим осмыслением". Это гибридное катартическое образование, построенное на допущении, что необратимое обратимо, а смерть отреагируется как пустяк. Для возникновения «черного юмора» необратимость смерти должна отчетливо осознаваться. Но то, что по смыслу должно вызвать горестное переживание, оформляется как смешное. Это не инициационный архетип, где происходит преобразование личностного ядра в границах одного и того же тела, символически умирающего и рождающегося заново.

Из-за того, что условность и противоестественность очищения вполне воспринимаются, разрядка не может быть полной. После нее остается некоторое сомнение - а так ли уж это смешно? Но именно "повисание" очищения создает особую сенсорную вибрацию – переживание длится дольше, чем в нормальном смеховом катарсисе. Преобразование семантики несмешного может диктоваться прагматикой. Злорадный смех связан с особым отношением субъекта к объекту (прагматика вмешивается в семантику). Ненависть одного человека к другому, зависть, жажда мести – это отношения уязвленной целостности субъекта, и необратимые нарушения, происходящие с объектом, не нарушают целостность субъекта, а наоборот, ее восстанавливают. Злорадный смех может быть спонтанным, но вряд ли вполне естественным, поскольку и уязвленная целостность смеющегося, и нарушенная целостность объекта смеха удерживают оттенки горестного переживания. Циничный смех строится на том, что смысловой разрыв (план семантики) осложняется нарушением прагматики, а именно культурного запрета на профанирование высших ценностей данного общества. Осмеиваться могут понятия, символы, канонизированные имена. Поскольку циничный смех покушается на культурно-идеологическую целостность общества, он носит скрыто или открыто провокационный характер, т. е. стремится к разрешению тоже в сфере прагматики.

В самом деле, если бы стремление испугаться и испугать не встречало понимания у наших современников, подобный комос, естественно, не становился бы столь популярным в обществе. М.Истмэн в книге «Искусство юмора», осмы-

сляя данный феномен и отстаивая фрейдистскую концепцию, пишет, что homo sapiens склонен к мазохизму («страданию понарошку») и извлекает радость из различных форм страдания; зрителю нравится страдать вместе с героями, подобно тому, как детям, играющим в индейцев, нравится служить мишенью для стрел и умирать в муках [11,113-115]. Удовольствие от подобного комизма обьмлет собой и печаль, ужас, страх, переживаемые как удовольствие.

По Ф.Ибрагимбекову, единство противоположностей представляет собой «одновременно противоположную направленность протекающих процессов» (12,25). Такова диалектика человеческого бытия. Синтез «смеха-смерти» всегда противоречил идеалу вечной гармонии, самому распространенному среди людей и народов, потому что он есть как бы первичное знание о самом времени, или, точнее, о нем напоминание. И хотя это знание необходимо, его надо поддерживать, чтобы не утонуть в мире реальных превращений. Ведь оба мира – смеха и смерти - не просто противостоят друг другу – они враждебны, но при этом одинаково действительны. «В пределе смех человека – это смех отчаяния... так как всегда решает одну и ту же задачу – противостояния смерти», - отмечает Л.Карасев (13). Мы живем в мире бесконечных превращений, нет такого мгновения, чтобы они были приостановлены, ибо ими руководит само время. Для того, чтобы сохранить сознание в целом - нужны напоминания: постоянные страхи сознания, как бы знаки его бдительности, что все может измениться в любое мгновенье. И это, пожалуй, единственное достоверное наше знание. Союз смеха и смерти заключен против нашей ограниченности и приземленности, ведь человек больше своего тела, своего тлена, и он нуждается в постоянных напоминаниях об этом. Сила смеха и в том, что он оповещает и упрощает мир будущего как мир смерти. Незавершенное настоящее, взорванное смехом, начинает чувствовать себя ближе к такому будущему, чем к прошлому, ведь именно в будущем ищет оно ценностные опоры, пусть это будущее и рисуется пока только в смеховой форме. «Кажется, что такой смех взят из какого-то еще неведомого набора чувств и дан нам как компас, указывающий, куда двигаться дальше, - писал Л.Карасев. - В этом смысле смех преждевременен, хотя его преждевременность неслучайна и имеет глубокий смысл» (там же, 21-22).

При этом в глобальном понимании вечное двуединство «смеха» – «смерти» несет в себе позитивную, воспитательную функцию, отрезвляя человечество, заставляя его взглянуть на себя с призмы «кривого зеркала», деформированного, но и предельно правдивого. И если на протяжении всей истории существования человечество проходит через подобный смех, просеивается сквозь него, оседая самыми крупными, цельными, важными эпохами и образами, то, таким образом, жизнь, судьба, смех и смерть каждого человека органично входит в бытие и трансформацию всего человечества. Смех тянет нас в будущее, ибо знает, что оно возможно и осуществимо. Смех — словно знак будущего, слишком уж он несоразмерен с обычными душевными движениями, он дан нам как бы «про запас». «Единственный непревзойденный объект иронии – это будущее, - писал М. Бахтин. – Невозможно завершить историю изнутри самой истории, и будущее разоблачает смехом такие попытки остановить неостановимое... Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, все еще впереди и всегда будет впереди. Но ведь таков и очищающий смысл амбивалентного смеха» (14, 3, 215).

И подобное «шутовство» не отчуждает, а делает мир более близким и по-

нятным. Как отмечал М.Бахтин, это смех, в котором мир, умирая, рождается. В самом деле, для «бессмертного», ищущего лишь забвения и покоя, смех, быть может, - жалкая милостыня, но для смертного, нормального человечества - великий дар ушедших веков. У смертного, который способен увидеть мир с точки зрения Всевышнего, или же у страждущего по этой точке зрения, мир ничего, кроме смеха, вызвать не может. Но личность в психологическом отношении всегда незавершена. Она не только есть сумма прошлых поступков, действий и отношений, она всегда в той или иной форме ориентирована в будущее, через развертывание и поиск смысла жизни; поэтому человеческая жизнь всегда есть некая тайна, интенция и возможность. Состояние покоя – мимолетное состояние души, редкое мгновение психической жизни, которая знаменует собой определенный итог в разрешении проблемных ситуаций. Но преобладание покоя неизбежно приводит к смерти. Размыкая, таким образом, эгоцентрически замкнутый круг бытия человека-одиночки, комическое отыскивает путь к другим людям, народу, смыслу жизни. Бессмыслица конечной, ограниченной смертью жизни обретает смысл во всем человечестве.

И хоть с этой стороны Великого Раздела мы видим только переход от жизни к смерти, вновь и вновь возникает назойливая версия, что смерть ведет не в тупик, а к новой жизни, существующей на другой стороне Великого Раздела. Смехо-смерть – это помощь незнающему истину прийти к истине. Всякий выразительный – реальный или вымышленный - мир неоднороден, он создает напряжение меж двух полюсов, столкновение двух противоборствующих стихий. Перефразируя Борхеса, можно сказать: «Мир, в котором нет его антимира, считается незавершенным». Подобное единство противоположностей восходит к коллизии идеала и реальности, что и содержит в себе антиномию смеха-смерти.

Очевидно, что привязанность к буквальному значению, упорное стремление воспринимать вещи столь серьезно, что совершенно не остается места для открытия, полностью затемняет подлинное значение жизни и смерти. Смех – хорошее противоядие для тех, кто воспринимает жизнь и смерть слишком всерьез. Ведь их коррелятивность – это источник, а не область знания, во многом производящее «новое знание». Данное знание характеризуется пространственными метафорами, неспособностью передавать буквальный смысл, самоотрицанием, в конечном счете извлекающем новые истины из традиционных знаний; все это вместе входит в концепцию претергрессии - выхода за рамки или границы, неспособности соответствовать принципу, правилам, закону или норме. И тогда то, что начинается как чрезвычайное развлечение, может превратиться в чрезвычайное откровение, если мы просто позволим «шоу» продолжаться до логического завершения и – за его пределами. В жизни настолько все обречено на провал, что почти смешно в своих следствиях. Именно через претергрессию смех и смерть устанавливают прочную связь между смыслом истинности и смыслом развлекательности, возводя версии новых истин на аксиомах «традиционного знания», доказывая, что преходяща не жизнь, а смерть!

Включение смерти в игровое бытие комического содержит важную психотерапевтическую функцию, компенсируя негативные эмоции, связанные с осознанием ее неизбежного прихода. Извечный союз смеха и смерти заключен против нашей ограниченности и приземленности, ведь человек больше своего тела, своего тлена, и он нуждается в постоянных напоминаниях об этом. С философской точки зрения, человеческие эмоции, слово, мысль, искусство, быть

может, вера, — все сплетено в единый узел; это один «раскат грома» по Бонхефферу. Собственно, именно эта целокупность и образует понятие «человек». И тогда, вопреки расхожему утверждению Маркса и Энгельса, следует предположить, что у человечества не столь много веских причин с улыбкой провожать всемирную историю (включая опровергнутые историей утопические идеалы), сколько, отдав дань прошлому, с неизменной улыбкой встречать будущее...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В.Ф. Соч. в 14 т. Т. VIII, М.-Л.: Соцэкгиз, 1935, 690 с.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. в 20-ти т. Т. 20. М.: АН СССР, 1960, 380 с.
3. Гуревич А. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии//Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992, 280 с.
4. Пропп В. Русские аграрные праздники. – Л.: ЛГУ, 1963, 350 с.
5. Велецкая Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978, 570 с.
6. Таранов П. 150 мудрецов и философов в 2-х т. Т. I. Симферополь-Запорожье: Нарус-М.: 2000, 848 с.
7. Вулис А. Метаморфозы комического. М.: Искусство, 1976, 126 с.
8. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М.: Искусство, 1981, 448 с.
9. Моуди Р. Последний смех. М.: София, 2003, 352 с.
10. Розанов В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990, 375 с.
11. Дмитриев А. Социология политического юмора. М.: РОССПЭН, 1998, 332 с.
12. Ибрагимбеков Ф. Эволюция личности. В кн. Проблемы личности. В 2-х т. Т. II. М.: Наука, 1970, 450 с.
13. Карасев Л.В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996, 224 с.
14. Бахтин М. Собрание сочинений в 7-ми т. Т. III. М.: Русские словари, 1996, 360 с.

VARLIĞIN EPİSTEMOLOJİ KONTEKSTİNDƏ GÜLÜŞÜN VƏ ÖLÜMÜN KORRELYATİVLİYİ

C.T.İBRAHİMOVA

XÜLASƏ

Məqalədə komiklik fəlsəfə kateqoriyası metodoloji həyat və ölüm, xəyal və reallıq, budaqıqəlik və daimilik kimi təyinedici məfhumlar baxımından müzakirə edilir. Müəllif tərəfindən çıxarılan nəticə budur: insanın həyatının dialektikasında özündə zəruri atribut kimi komiklik vardır. Gülüş – bütün varlığın inkişafının müxtəlifliyinin göstəricidir, individin və bəşəriyyətin dispoziyasında mədəniyyətin ziddlik və konfliktlərinin faktorudur.

CORRELATIVITY OF LAUGHTER AND DEATH IN THE CONTEXT OF EPISTEMOLOGY OF EXISTENCE

J.T.IBRAHIMOVA

SUMMARY

The paper considers the philosophic category of comics in the systematic aspect from the point of views of such defining ideas as life and death, fiction and reality, fleeting and eternity. The author concludes that the human dialectics includes the necessary attribute – comic and laughter – as the index of nontrivial development of all the real caused by its diversity, disposition factor of an individual and all mankind to intelligibility of contradictions and conflicts of the civilization.